

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**«ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

22–24 апреля 2009

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2009**

СЕКЦИЯ 10.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF THE OTTOMAN
EMPIRE AND THE REPUBLIC OF TURKEY

Ю.А.Аверьянов
(ИВ РАН, Москва)

Жития анатолийских суфиев (менакиб-наме) XIV – XV вв.
как исторические источники и памятники духовной культуры

Народная литература турок эпохи средневековья обнаруживает деление на литературу военного класса, так называемых *гази* («борцов за веру»), литературу ремесленного сословия и литературу дервишей (жизнеописания святых-*эвлийа*, известные под названием *менакиб-наме*, или *вилайет-наме*).

Исследование личности того или иного святого-*вели* на основании данных его жизнеописания представляется весьма сложной задачей. Вопрос о значении личности в средние века может рассматриваться в полной мере только с привлечением сведений, которые сообщают авторы агиографических трудов. Святость героя таких произведений способствовала тому, что какие-то индивидуальные черты его личности могли получить «каноническое» значение и сохраняться из века в век в качестве некоего идеализированного стереотипа поведения. Со временем находились новые подражатели, воплощавшие в своих собственных поступках те или иные черты персонажей, зафиксированные и «канонизированные» агиографическими сочинениями. На Востоке, похоже, существовал определенный стереотип поведения («канон», или *адаб*) не только для праведного святого-*вели*, но и для «святого-еретика» (*зиндик*), нарушающего своим поведением сложившиеся в обществе устои и ломающего привычную рутину жизни мусульманских городов. Такому примеру (сложившемуся в жизнеописании «святого-еретика» IX века аль-Халладжа), следовал, например, тюркский поэт-еретик XIV века Несими.

Жизнеописание Хаджи Бекташа Вели «Вилайет-наме», написанное на анатолийско-тюркском языке в XV в., входит в число наиболее ранних памятников подобного рода в тюркской литературе. «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ» представляет интерес именно с такой точки зрения, так как это произведение дает своего рода «канонический» портрет «неортодоксального» святого-*вели*, которого оно пытается, тем не менее, вписать в рамки духовной жизни бюрократизированного

Османского государства, строго преследовавшего проявления инакомыслия («гетеродоксии»).

Р.М.Валеев

(ИВ Казанского ГУ, Казань)

Профессор Н.Ф.Катанов в истории отечественных историко-этнографических исследований тюркских народов Евразии (кон. XIX – нач. XX вв.)

Профессор Н.Ф.Катанов – один из ярких и колоритных национальных ученых и мыслителей российской науки, образования и культуры. Его жизненный путь и деятельность отражают важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения рубежа XIX–XX вв.

Многообразная научная и педагогическая деятельность Катанова Н.Ф. – яркое свидетельство развития в России тюркологической науки и национальных гуманитарных исследований и научных школ. Феномен его личности и наследия в истории отечественного востоковедения и культуре народов России, к великому сожалению, пока недостаточно изучен. Сегодня биография Н.Ф.Катанова для современников представляет не только историко-научное значение. Жизнь и труды замечательного тюрколога и этнографа Н.Ф.Катанова следует оценивать не только в координатах истории востоковедения в России и Европе, но и принимая во внимание широкий общественно-политический и культурный контекст исторического развития тюркских народов во второй половине XIX – первых двух десятилетиях XX в. Наследие и судьба ученого-просветителя определялись единством и многообразием истории и культур тюркоязычных народов России на рубеже XIX–XX вв.

Его этапы жизненной биографии и огромное творческое наследие для нас представляются интересным, ярким, поучительным, трагическим. Он стал олицетворением образа двух миров – европейского и азиатского.

В контексте современной историографии жизнь и деятельность Н.Ф.Катанова оценивается, прежде всего, его личным огромным вкладом в развитие тюркологии рубежа XIX – XX вв., а с другой стороны, отсутствием условий для создания научной школы.

Биография и творчество профессора Н.Ф.Катанова «занимает видное место в классическом наследии отечественной тюркологии» (С.Н.Иванов) XIX–XX вв. Российская ориентальная историко-научная и просветительская литература 20–90-х гг. XX в. и начала XXI в., посвященная жизни и деятельности профессора Казанского

университета, раскрывает основные этапы и особенности его творчества и бесценного наследия. Сформировались и развиваются разноплановые исследования катановского наследия, научной биографии, роли ученого в отечественной истории тюркологии и культуре народов России.

В докладе освещены неизвестные страницы наследия и дана оценка научно-просветительскому вкладу Катанова Н.Ф. в истории отечественных историко-этнографических исследований тюркских народов Евразии во второй половине XIX – первых двух десятилетиях XX в. На оригинальном архивном и опубликованном материале представлены направления и особенности историко-этнографических исследований Н.Ф.Катанова в историографии и источниковедении российской и европейской тюркологии на рубеже XIX – XX вв.

Современная объективная историко-научная оценка вклада одного из основоположников этнографии тюркских народов Евразии нач. XX в. имеет огромное значение для исследования истории отечественной тюркологии, ее школ и традиций. Наследие Н.Ф.Катанова ярко отражает историко-научное развитие истории, этнографии и фольклористики тюркских народов Евразии в дореволюционной России 1880 – 1917 гг. и в первые годы советской власти 1918–1922 гг.

Л.А.Герд

(ФФИ СПбГУ; ИИ РАН, СПб)

*Русская политика в Константинопольском патриархате
в 1901–1914 гг.*

Начало XX в. – период подготовки к окончательному решению Восточного вопроса. Борьба великих держав (Англии, Франции, Австро-Венгрии, Германии и России) за преобладание на Балканах и в Восточно-средиземноморском регионе достигает наивысшей степени напряжения. Османская империя в Европе, очевидно, доживала свои последние годы, и от того, какая держава будет преобладать в юго-восточной Европе, во многом зависел успех ее политики на Ближнем Востоке. Для России же главной задачей было обеспечить владение проливами Босфором и Дарданеллами, что гарантировало бы безопасность ее южных рубежей и свободу средиземноморской торговли. Военное решение этих вопросов представлялось неизбежным; однако несколько десятилетий перед войнами 1910-х годов борьба велась дипломатическими и агентурными методами.

Поскольку Константинопольская патриархия еще с XV в. представляла собой «государство в государстве» и христиане Османской империи пользовались правами автономии и большой степенью самоуправления, все национально-политические вопросы,

связанные с ними, были перенесены на церковную почву. Вследствие этого церковная политика на Балканах и в Турции имела первостепенное значение, а для России православная церковь была важнейшим рычагом политического воздействия.

В 1901 г. при активной поддержке русского посольства на Константинопольский патриарший престол вновь избран Иоаким III. Этот патриарх, который пользовался неизменной поддержкой русского правительства в период своего первого патриаршества (1878–1884 гг.), должен был, по мнению петербургского кабинета, проводить умеренную прорусскую политику, направленную на ослабление греческого национализма и влияния Греческого королевства среди турецких греков.

Однако второе патриаршество Иоакима III оказалось не столь благоприятным для России. Авторитет ее, укрепившийся после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., ослабел, в то время как политика афинского правительства была ориентирована на Англию, а надежды греков на воссоединение исторических территорий их проживания не были связаны с Россией. Еще меньше можно было ожидать от занявшего патриарший престол в 1913 г., после смерти Иоакима, патриарха Германа VIII, активного борца за права церкви в Османской империи, который никогда не испытывал к России особенного расположения. В силу этих причин отношения с патриархатом были сухими, а контакты неизбежно ограниченными. Воздействовать на церковно-политическую ситуацию русским представителям приходилось различными косвенными путями.

Центральными проблемами русской балканской политики в церковной сфере, как и в предыдущие десятилетия, оставались греко-болгарский церковный вопрос и урегулирование положения русского монашества на Афоне.

Т.В.Григорьева
(Казанский ГУ)

Изучение правовых вопросов истории Турции как одно из перспективных направлений развития отечественной туркологии

Исследование историко-правовых вопросов является одной из актуальных проблем отечественной туркологии. Турецкая модель правового развития представляет огромный интерес, как для историков, так и для правоведов. Несмотря на большое внимание к этим аспектам со стороны историков, данный вопрос остался вне поля зрения историографов. Поэтому на современном этапе возникает необходимость в систематизации и обобщении имеющихся

историографических фактов для составления целостной картины эволюции знаний о правовой системе Турции.

Предметом исследования являются основные направления и этапы изучения правовых аспектов в исторической и юридической литературе во второй половине XX в. Цель – подведение итогов и определение дальнейших перспектив в изучении правовой истории Турции.

Во второй половине XX в. в этом направлении была проделана огромная работа, введены в научный оборот неопубликованные ранее источники. Большая заслуга в этом отношении принадлежит А.С. Тверитиновой, С.Ф. Орешковой, А.В. Витолу, Н.А. Дулиной, М.С. Мейеру, А.Д. Новичеву, Ю.А. Петросяну, И.Л. Фадеевой, Ф.Ш. Шабанову, А.Р. Исазаде.

Правовая система Турции, история ее становления и развития активно изучается и в рамках сравнительного правоведения (М.Н. Марченко, Ю.А. Тихомиров, А.Х. Саидов и др.). В настоящее время идет активный поиск новых более эффективных методов, в частности, предпочтение отдается конкретно-социологическим методам (А.Р. Исазаде).

В отечественной историографии разработка правовых аспектов истории Турции осуществляется по следующим направлениям:

- 1) право Османской империи в сравнении с правовыми системами других мусульманских стран;
- 2) изучение истории становления турецкой правовой системы и выделение основных этапов в ее развитии;
- 3) изучение османского законодательства и законодательной практики (XV–XVI вв.);
- 4) проблема соотношения султанского и шариатского законодательства;
- 5) изучение правовой системы эпохи танзимата;
- 6) право Турции республиканского периода.

На основе анализа туркологической литературы второй половины XX в. делается вывод о том, что к настоящему времени ключевые проблемы в изучении истории права Турции успешно решаются отечественными учеными, в связи с чем необходима подготовка монографических исследований, как обобщающего характера, так и по отдельным вопросам. Также автором высказывается пожелание включить право Турции османского и республиканского периода в качестве самостоятельного раздела в вузовские учебники по всеобщей истории государства и права, поскольку во многих из них указанные вопросы не нашли должного освещения.

*А.В.Жевелева
(ВФ СПбГУ)*

*Об истоках турецкого предпринимательства
(по автобиографическим материалам С. Сабанджи)*

Представленное исследование посвящено деятельности одного из первых предпринимателей Турции Хаджи Омера Сабанджи (1906–1966 гг.). Автор использовал многочисленные работы отечественных и турецких исследователей. Однако основной упор был сделан на автобиографическую работу Сақыпа Сабанджи (сына Х. О. Сабанджи).

Х. О. Сабанджи является основателем одного из самых крупных и известных холдингов Турции – Холдинга Сабанджи. В 1992 г. в мире насчитывалось 291 человек, обладающих капиталом свыше одного миллиарда долларов. Среди них был сын Х. О. Сабанджи С. Сабанджи, унаследовавший свое состояние от отца.

Х. О. Сабанджи родился в 1906 г. в крошечной деревушке Акчакайя близ Кайсери. В 1920 г. он отправился пешком (450 км.) на заработки в Адану, славившуюся производством хлопка. Здесь он начал заниматься торговой деятельностью, используя опыт богатых купцов из Кайсери. Накопив достаточный капитал, Х. О. Сабанджи начал скупать землю и имущество. Впоследствии он стал одним из самых крупных землевладельцев в Турции.

В 1943 и 1946 гг. Х. О. Сабанджи совместно со своими друзьями открыл два предприятия «Ягса» (Yağsa) и «Марса» (Marsa) (оба предприятия занимались производством растительного масла). Только в 1950-х гг. Х. О. Сабанджи самостоятельно приступает к производству. Это было в немалой степени связано с изменившейся политикой государства. Как и Нежат Эджзаджибаши, Х. О. Сабанджи воспользовался кредитом Банка промышленного развития. В это время была построена одна из самых известных фабрик группы Сабанджи – фабрика «Босса» (Bossa). Строительство происходило не только благодаря кредитованию Банка промышленного развития, но и благодаря личному участию президента Турецкой республики Джелила Байара.

Группа Сабанджи с этого времени занималась всевозможной деятельностью: торговлей, страхованием, сельским хозяйством, производством текстиля и т. д. В 1967 г. по образцу холдинга Коч был создан холдинг Сабанджи.

К.А. Жуков
(ВФ СПбГУ)

***И. И. Хемницер – первый русский генеральный консул
в Смирне (1782–1784) – о Турции и турках***

Иван Иванович Хемницер (1745–1784) хорошо известен в качестве одного из основоположников русской басни. В настоящем докладе привлечено внимание к его деятельности иного рода, а именно: к его службе на посту российского генконсула в крупнейшем (после Константинополя) торговом центре Османской империи. Учреждение сети российских консульств в османских городах явилось следствием реализации Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года. Этот процесс лишь относительно недавно стал предметом изучения в работах отечественных историков и дипломатов (П.В. Перминов, Г.Л. Кессельбреннер и др.). Вероятно, поэтому имя И.И. Хемницера еще не заняло подобающее ему место в истории российской дипломатии на Востоке. Данная работа имеет целью восполнить этот пробел. Основным источником для нашего исследования явились материалы, опубликованные еще в 1873 г. Я. Гротом: записная книжка Хемницера, содержащая, в частности, его «журнал» поездки в Смирну, а также пятнадцать писем Хемницера к его близкому другу – знаменитому архитектору и поэту Н.А. Львову. Письма охватывают временной промежуток от 8 июля 1782 г. до 29 февраля 1784 г. (ст. ст.).

В.В. Иванова
(МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб)
Музейные фонды МАЭ РАН

как источник для изучения охранительной магии турок

Фонды Ближнего и Среднего Востока Музея Антропологии и Этнографии РАН (Кунсткамера) содержат богатую коллекцию предметов, атрибутированных как турецкие (20 коллекций, 348 единиц хранения). Коллекции преимущественно относятся к XIX – I пол. XX вв. Большая их часть собрана специально для МАЭ, часть – передана из бывшего Музея А.Л. Штигица (ныне I филиал Государственного Эрмитажа) (№2957, №4458), Ленинградского Государственного Музейного Фонда (№3853), Театрального Музея Ленинграда (№6333), ЦТЧК (№2724). Последняя коллекция предметов традиционной

женской одежды и быта конийских турок (№7017) поступила в Музей в качестве дара от Министерства Культуры Турции в 1995 г.

В состав турецких коллекций Музея входят предметы одежды и быта, холодное и огнестрельное оружие, куклы турецкого театра Карагёз и предметы культа. К последним относятся Коран с подставкой и покрывалом (№3498–25абв), четки (№3498–26) и картины религиозно-магического содержания (№3332–1,2; №3498–27,28,29; №6798–1).

Магико-охранительной символикой наделено большинство предметов турецкого костюма (особенно праздничная одежда), в том числе обувь. Две женские рубашки (№3853–1,2) исписаны обережными надписями на арабском языке. Апотропеический характер носят также коранические надписи на холодном оружии. Охранительная формула «Машаллах» и богатая магическая символика (в том числе «печати Соломона») размещены на клинках с той же целью. Ценнейший источник для изучения охранительной магии представляют картины, служившие как украшением жилища, так и главным гарантом безопасности его обитателей. Не менее интересны некоторые предметы повседневного обихода: посуда, полотенца, табакерки и пр. Таким образом, можно признать турецкие коллекции МАЭ РАН достаточно репрезентативными в качестве источника для изучения охранительной магии турок.

*И.А.Логвиненко
(ХНПУ, Харьков)*

Семантические поля современных турецких антропонимов

Имя человека является частью культуры, то есть оно находится на грани двух реальностей – языковой и культурной. С одной стороны, оно содержит в себе определенную *социальную* информацию, такую как сведения о национальности, вероисповедании, происхождении человека, его принадлежности к определенной социальной группе. С другой стороны, имя несет и некоторую *эмоциональную* нагрузку, которая вытекает из его значения, фонетического звучания, степени распространенности в данном обществе и известности.

Задача данного сообщения – проанализировать исторические и социальные факторы, которыми были обусловлены появление и выбор имени человека у турецкого народа, и выделить основные семантические поля турецких мужских и женских имен. Материалом для исследования послужили словари турецких имен Фатиха Окумуша и Кемаля Зеки Генчосмана. Было проанализировано около 4000 турецких мужских и женских имен.

Если рассматривать турецкие антропонимы с точки зрения происхождения, то наиболее древнюю и многочисленную группу представляют исконно тюркские имена. Как однокомпонентные, так и двухкомпонентные они являются именами отаппелятивного происхождения, имеют прозрачную этимологию и общепонятное значение.

В связи с вышесказанным нами выделены семантические поля турецких антропонимов по двум критериям: 1) по прямому значению слов, которые входят в состав имени; 2) по переносным (функциональным) значениям слова, которые входят в состав имени.

По прямому значению слов, которые входят в состав имени, наиболее распространены следующие группы антропонимов: *имена, которые обозначают явления природы (растения, животные, космос); имена, которые обозначают абстрактные понятия (чувства, философские понятия, жизненные блага, черты характера); имена, которые обозначают субстанцию (вода, металлы, огонь, драгоценные камни).*

По непрямым (функциональным) значениями слова, которые входят в состав имени, можно выделить три большие группы антропонимов (распределение по группам осуществлялось по схеме В.А. Никонова, которая была адаптирована авторами к системе современных турецких антропонимов): *описательные имена (дескриптивы), имена-пожелания (дезидеративы) и имена-посвящения (меморативы).*

***И.Мамедов
(ВФ СПбГУ)***

Тетради «Narc-ı hassa» как источник для изучения гарема османских султанов

Среди документов в Центральном Архиве Дворца Топкапы находятся тетради (Narc-ı hassa defterleri), где имеются сведения о гареме османских султанов. Одна из этих тетрадей с индексом D 8075 содержит сведения о численности, жаловании и именах многочисленных невольниц в гареме в годы правления султана Махмута I (1730–1754).

Согласно списку, в различных службах и апартаментах в гареме служили 456 невольниц. Из них: 17 – в кладовой для съестных припасов, 6 – в банях гарема, 23 – у разных должностных лиц, имеющих высокий статус, 19 – в комнатах принца Османа, 14 – в комнатах принца Мехмета, 13 – в комнатах принца Мустафы, 12 – в комнатах принца Баязета, 14 – в комнатах принца Нумана, 7 – в комнатах принца

Абдильгамида, 20 в апартаментах Башкадын, 11 – в апартаментах Икинджи кадын, 14 – в апартаментах Учунджу кадын, 8 – в апартаментах Дордунджу кадын, 10 – в апартаментах Бешинджи кадын, 13 – в комнатах Хазинедар кадын, 6 – в комнатах Башикбал, 6 – в комнатах Икинджи икбал, 4 – Учунджу икбал, 5 – Дордунджу икбал. Остальные 230 невольниц работали в различных службах гарема.

В этом документе указаны невольницы, получающие ежедневное жалование от 5 до 100 акче в день. Из них 73 женщины занимали определенные должности в гареме и получали жалование от 15 акче и выше, а 383 женщин входили в группу «джарийе» и получали жалование от 5 до 10 акче в день. Женщины, получающие от 50 до 100 акче в день, были самыми высокопоставленными должностными лицами в султанском гареме. 4 икбал султана получали по 40 акче в день. По 40 акче получали также Икинджи катибе, помощница килерджи уста и глава невольниц, обслуживающих Кетхуда Хатуна. В этом списке указаны имена 167 «джарие», которые получали меньше 10 акче в день. Возможно, эту группу составляли невольницы, которые были использованы на грубых физических работах. Кроме них, была еще одна группа, состоящая из 185 невольниц, которые обслуживали высокопоставленных женщин в гареме, включая членов султанской семьи. Жалование этой группы составляло максимум 10 акче в день, и они находились на более высокой ступени иерархической лестницы гарема, чем предыдущая группа.

Данный документ представляет большую ценность для исследования структуры и состава султанского гарема.

С.И.Муртузалиев

(Дагестанский ГУ, Махачкала)

Турция и турки в русских источниках XV – первой половины XVII вв.

Истоки российского источниковедения и историографии Османской империи можно отнести к XV в. Завоевательная по своей сути внешняя политика османского государства, захват византийской столицы турками (1453 г.) и претензии русских великих князей на наследование императорских прерогатив (зарождение теории «Москва – третий Рим»), подчинение крымских ханов влиянию Османской империи (1475 г.) и утверждение турецкого господства на значительной части Балканского полуострова привлекли внимание Руси к агрессивному и опасному соседу. Именно в это время на Руси начинается оформляться устойчивый круг информации о Турции.

В «Степенной книге» особого внимания заслуживает степень XIV, глава 18 – «Сказание вкратце о Цареграде, откуда апрещ именовся

Византия, и како преименовася Царьград; и о турских царех, откуда быша, и како взят бысть Царьград от турскаго магмета в лета державства русскаго Великаго Князя Василия Васильевича». Здесь приводятся данные о «Турческой стране», «Турчанах», «турских людях», о султанах, завоеваниях турок, о штурмах Константинополя измаильтянами.

Следующим источником является Хронограф 1512 г., заканчивающийся главой 208 о завоевании Константинополя турками. Отсюда начинались позднейшие дополнения данного источника. В Хронографе 1617 г. глава 208 была заменена исторической повестью «О взятии Царьграда от безбожнаго... Магмета Амуратава сына...». Повесть Хронографа была значительно короче, чем в летописях, но не представляла собой особого извода. «Повесть о взятии Царьграда» Нестора-Искандера приобрела широкую известность. Характерной чертой «Повести» является то, что у автора нет безоговорочного осуждения «поганых» (турок) и резкого противопоставления их христианам. Время создания этого историко-публицистического сочинения датируют рубежом XV-XVI вв. Однако в вопросе об авторстве споры до сих пор не прекращаются.

Фрагментарные, далеко не всегда достоверные знания о Турции содержались в «Сказании Ивана Пересветова о царе Турском Магмете, като хотел сожещи книги Греческие», в котором идеализировалась турецкая военно-феодальная система, в антитурецкой «Повести о мучении некотораго новоявленного мученика в греческой земле...» Максима Грека и в его текстах «Слов обличительных против агарянскаго заблуждения...».

Шаин Мустафаев

(ИВ НАН Азербайджана, Баку)

Османские реестры как источники по социально-экономической истории Азербайджана и Южного Кавказа

Османские «пространные» (муфассал дефтер) и «краткие» (иджмал дефтери) реестры являются наиболее информативными и достоверными источниками для изучения социально-экономической истории как собственно Турции, так и стран, некогда входивших в состав Османской империи. Составляемые в целях упорядоченного взимания налогов (пространные реестры) и учета распределения земельного фонда среди служилого класса в качестве кормлений (краткие реестры), эти документы представляют собой важнейшую часть сохранившегося османского архивного фонда.

Эти источники содержат ценную информацию о демографической и этно-религиозной ситуации, земельном строе и сельскохозяйственном производстве, налоговой системе и фискальной практике, городской жизни, торговле и ремесле, религиозных и благотворительных учреждениях, структуре правящего класса и других сторонах социально-экономической жизни соответствующих областей.

Азербайджан (Северный и Южный) и Южный Кавказ в средние века не раз входили в состав Османской империи; на их территории была введена османская тимарная система – главное условие для составления вышеуказанных реестров. Соответственно, в архивах Турции (главным образом, в Османском архиве в Стамбуле, и меньше – в Анкаре) сохранилась целая коллекция дефтеров, относящихся к историческим областям Азербайджана и Южного Кавказа. Большая часть их относится к первой трети XVIII века.

В Институте востоковедения НАН Азербайджана осуществляется программа по переводу, исследованию и публикации пространных и кратких реестров, касающихся территории Азербайджана и Южного Кавказа. На сегодняшний день опубликованы краткие реестры санджака Реван (1728 г.) и вилайета Лори (1595 г.), пространные реестры санджака Нахичеван (1727 г.), эялетов Гянджа-Карабаг (1725–27 гг.), Тифлис (1728 г.) и Ардебиль (1728 г.).

П. Ольхова

(ВФ СПбГУ; ГМЗ «Царское Село»)

Легенда о семи спящих отроках

и ее отражение в материальной культуре Османской Империи

Повествование «Пещера» 18-й суры Корана рассматривают как вариант христианского предания, распространенного на Ближнем Востоке до утверждения ислама. Эта история является одним из многих рассказов о людях, которые заснули, а проснувшись, увидели, что их мир изменился. В западном христианском мире эта легенда известна еще с 6 века (на латыни).

В суре рассказывается об отроках, заснувших в пещере. Этот рассказ запутан и в чем-то труднодоступен для понимания. Срок их сна составляет 309 лет. Указаний на конкретное место сна отроков в тексте нет. Имена юношей в различных источниках разные, так же, как и их количество, однако везде есть упоминание о собаке, следовавшей с ними (Кытмыр/ Китмир/ Озайгыш). А.Е. Крымский в своем исследовании легенды пишет, что это указывает на высокое значение собаки, которая, возможно, является равной отрокам или же близкой к ним.

«И Мы закрыли их уши в пещере на многие годы. <...> И так Мы воскресили их, чтобы они расспросили друг друга. Один из них сказал: «Сколько вы пробыли?» Они сказали: «Пробыли мы день или часть дня». Они сказали: «Господь ваш лучше знает, сколько вы пробыли...» И оставались они в пещере своей триста лет и еще девять» (Коран, 18 сура).

Опираясь на математические данные Корана, можно подсчитать, почему отроки спали именно 309 лет. Разница в летоисчислениях по Хиджре (в году 354,36667... суток) и Григорианскому календарю (в году 365,24219... суток) составляет около 11 суток в год. И таким образом, за те 300 лет, что отроки спали в пещере, из этой разницы набирается еще 9 лет и получается 309 лет.

В Коране местонахождение пещеры точно не указано, но выделяются два возможных места: собственно грот в Эфесе (Турция) и пещера в Аммане (Иордания), с которым связывается мусульманское повествование.

Семь спящих в Османской империи считались покровителями мореплавания. В среде моряков пользовались популярностью каллиграфические композиции в виде корабля, составленные из имен отроков и, по мусульманской версии, уснувшей с ними в пещере собаки по имени Китмир. В некоторых мусульманских странах имя Китмир также надписывали на посланиях, чтобы уберечь последние от пропажи, либо на письмах, что переводилось как «срочное».

Кроме того, на оружие Османской империи – для удачного исхода сражения и в качестве оберега – золотом наносилась на клинок шестиугольная звезда с написанными в ее углах именами отроков, а в середине звезды – именем собаки. Однако иногда имена опускались, а в месте, где они могли быть выведены, в уголках звезды были просто заштрихованные места, а в середине имя собаки.

На некоторых видах оружия в звезде не писались ни имена отроков, ни имя собаки – на этом месте было вызолоченное пространство – возможно, их имена были скрыты специально.

С.Ф.Орешкова
(ИБ РАН, Москва)

Стереотипы османистики и проблемы их преодоления

1. Проблемы феодализма. Военно-ленная и тимарная системы – аналог или различие.

Понимание феодализма в советской, западной и турецкой историографиях.

2. Ислам и христианство. История конфессионального сосуществования.

Османская политика в конфессиональной сфере и воинствующий исламизм.

Менталитет османского общества и конфессиональные проблемы.

3. Османская агрессия – направление, успехи, причины «остановки».

4. Научная османистика и политическая публицистика.

Европейское воздействие на формирование российских взглядов на Османскую империю.

Г.А.Серкина
(Государственный Эрмитаж, СПб)
Джирджис и Праздник Весны

В ковровом собрании Государственного Эрмитажа имеется турецкий молитвенный ковер с уникальным орнаментальным сюжетом и многослойной семантикой (инв.№ VT-924). Несмотря на то, что ковер имеет характерные для турецких намазлыков композицию и цвет (доминирующий красный), его орнаментальный сюжет с драконоборцем не является каноническим.

В одежде всадника с небольшими искажениями передано одеяние янычара, за исключением головного убора. В чалмообразном подобии шлема с шишаком угадывается изображение буддийской пятизубцовой короны. Подобный головной убор традиционно подчеркивает важность персонажа в мусульманских миниатюрах. Совершенно необычный вид имеет конь-химера. Его тело «собрано» не только из разных представителей фауны – передней частью коня является антропоморфный персонаж в высоком головном уборе. Истоки этого изображения следует искать в представлениях о сказочном древе «вак-вак».

В величественном персонаже, попирающем рептилию, узнаваем Джирджис, или христианский Святой Георгий, который с VIII века становится популярным и у арабов-мусульман Сиро-Палестинского региона. Однако следует отметить, что первоначально его изображали пешим и с мечом, а изображения в виде всадника с копьем начинают появляться лишь с конца X в. как результат влияния на иконографию всаднической экипировки тюрок. В турецкой культуре Хыдреллез, в котором слились образы Джирджиса и Хызра (араб.«зеленый»), связываются с культом плодородия. О Хызре говорят «по-суфийски» сложенные руки персонажей на колоннах: Хызр, как известно, являлся

покровителем суфиев. Однако стилизованность их высоких головных уборов и необычное размещение «суфиев» – в виде колонных капителей арки, обрамляющей фигуру всадника – намекают на неисламские истоки. Близкими аналогиями являются изображения комедийных актеров – дзайнарку-гусанов в средневековых армянских миниатюрах, которые изображались в высоких колпаках или с конусовидными прическами в виде свернутых крыльев, как это изображено на ковре. Судя по сохранившимся архитектурным памятникам Армении, стилизованные театральные маски украшали здания театра, в том числе и в виде капителей колонн.

Исходя из характера изображенных второстепенных персонажей, можно сделать предположение, что создатель ковра – армянского происхождения, а присутствие синтетического красителя позволяет датировать ковер рубежом XIX-XX вв.

*А.Т. Сибгатуллина
(ИВ РАН, Москва)*

Мемуары турецких военнопленных периода Первой мировой войны

В Первую мировую войну число турецких плененных в России достигало до 50 000 солдат и 950 офицеров. До настоящего времени об их судьбе известно очень мало. Поскольку военный плен Первой мировой войны не относится к глубоко разработанным темам как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке, на наш взгляд, мемуарная литература, которая в последние годы активно издается и переиздается в Турции, может стать немаловажным источником для ее изучения. Так, например, сохранились воспоминания участников Сарыкамышской битвы, попавших в русский плен: командира 9-го армейского корпуса генерала Ихсан-паши¹, командира 29-й пехотной дивизии 9-го армейского корпуса полковника Арифа Байтина², офицера 30-й пехотной дивизии того же 9-го армейского корпуса Ийбара Тахсина³, генерала Зыи Йергёка⁴ и мн. др. В них довольно подробно описываются общее состояние османских аскеров на Кавказском фронте, события пленения, отношение к пленным русским солдат и местных жителей, условия их проживания в России и т.д.

---

¹İhsan Latif. Bir serencam-ı harp. – İstanbul, 1919. Переиздан в 1988 г.

² Arif Baytin. İlk Dünya harbinde Kafkaz cephesi. 29 tümen ve alay sancağı (Hatıralar). İstanbul. 1946.

³ İybar Tahsin. Sibirya'dan Serendibe. – Ankara, 1950.

⁴ Tuğgeneral Ziya Yergök'ün anıları. Sarıkamış'tan Esarete 1915–1920. Yayına haz. Sami Önal. 4 basım. – İstanbul. 2006.

Среди мемуаров особое место занимает произведение Ихсан-паши, который сумел сбежать в том же 1915 году из лагеря под Читой и вернуться на родину обходными путями через Америку. Разумеется, он бы один не смог устроить побег из сибирской глубинки, если бы не оказали поддержку местные мусульмане-татары.

Генерал Зыя Йергёк вернулся в Турцию только во время гражданской войны в России. Из лагеря под Красноярском он был выпущен вместе с другими военнопленными в 1920 году и выехал на поезде в центр России для отбытия на родину. Но в связи с бунтом белочехов поезд был остановлен в Томске и путники были вынуждены неделями оставаться в своих вагонах. Генерал описывает тяжелые условия возвращения домой.

По этим и другим мемуарам можно составить представление об условиях их содержания в лагерях, об отношениях между пленными различных стран, о взаимоотношениях османских аскеров между собой: турок, курдов, арабов. Достойны внимания впечатления, вынесенные военнопленными о русских, о Сибири, о России в целом.

Кроме мемуаров, интересные исторические факты содержит отчет Юсуфа Акчуры, который прибыл в Россию в 1919 г. в составе Османского общества «Красного Полумесяца» с целью подготовки возвращения на родину более десяти тысяч турецких военнопленных, оставшихся без средств к существованию.

Н.А.Сатавов

(Дагестанский ГУ, Махачкала)

К вопросу освещения политики Порты на Северном Кавказе в XVIII в. по материалам турецких авторов

Труды турецких историков по теме статьи отличаются разнообразием по времени издания, насыщенностью фактическим материалом и характером оценочных суждений самих авторов.

Так, турецкие летописцы XVIII в. М.Рашид, И.Асым (Челебизаде), Сами, Шакир, Субхи и Иззи сообщают полезные, но скудные сведения: М. Рашид – об антииранских восстаниях в Дагестане и Ширване, ускоривших Каспийский поход Петра I и активное вмешательство Порты в кавказские дела; И. Асым – касательно обострения российско-турецких отношений в период разграничения в прикаспийских областях и попыток Стамбула добиться гегемонии в регионе путем опоры на местных владетелей (1724–1728); Сами, Шакир, Субхи и Иззи – о походах крымских ханов через Северный Кавказ в Закавказье в 1733, 1735 гг., о разгроме Надир-шаха в Дагестане (1741–1745), русско-турецких войнах 1735–1739, 1768–1774 гг.

Однако богатством фактического материала, масштабностью и продолжительностью охвата событий в свете выявления взаимосвязи кавказской и крымско-черноморской проблем в течение XVIII в. отличаются труды видных историков XIX в. А.Джевдета и А.Расима, оказавшие определенное влияние на дальнейшее развитие турецкой историографии.

Исследования историков XX в., написанные на более обширной источниковой базе, отличаются разнообразием авторских суждений от неприкрытой русофобии и «приглаженного» западничества до стремления к объективному освещению важнейших событий в рассматриваемом формате. К первым из них можно отнести работы оказавшихся в Турции после Октября 1917 г. кавказских эмигрантов – К.Кафлы, И.Беркока, Ш.Эрела, П.Коцева, В.-Г.Джабагиева и др., оценивающих кавказскую политику России (царской и советской) с субъективно-русофобских позиций; ко вторым – труды коренных турецких историков А.Курага, Х.Гюрсея, Э.Карала, Т.Унала, Х.Иналжика, Р.Туна, И.Узунчаршылы, Д.Гёкдже, Т. Кутлу, О.Челика и др., значительно осветившим различные аспекты предлагаемых тезисов.

В свете сказанного немаловажную значимость приобретают недостаточно использованные обширные материалы турецкого архива Баш Векалет, содержащие ценные сведения по рассматриваемой и смежной проблемам в свете кавказской политики России, встречавшей противодействие поддерживавших Турцию западных держав – Англии, Франции, Швеции, Пруссии, Польши и др.

*А.А.Сотниченко
(ФМО СПбГУ)*

Евразийство в программах политических партий и движений современной Турции

Понятия «Евразия», «евразийство» вошли в политический дискурс Турции сравнительно недавно, после распада СССР. Сейчас «Евразия» – одно из самых популярных слов в лексиконе не только турецких политиков, но и ученых, и торговцев. Однако, в отличие от ситуации в России смысл этих понятий остается довольно расплывчатым. Самые различные политические силы наделяют евразийство особым идеологическим смыслом, который может в корне отличаться от традиционных представлений, сложившихся в русской школе.

Впервые на евразийство обратили внимание националисты-пантюркисты, в настоящее время так или иначе поддерживающие партию Националистического Движения (ПНД). Для националистов Евразия – это в первую очередь тюркский и далее тюрко-монгольский

мир, который должен объединиться вокруг Турции как самого прогрессивного из существующих государств региона. Так как долгое время большинство тюркского населения Евразии находилось под властью Москвы, а многие остаются и по сей день, Россия является главным геополитическим противником Турции в регионе. Реализация «Проекта Евразийского Союза» – главная цель, которая стоит перед Турцией и тюркскими республиками¹.

В начале 90-х годов XX века тюркские республики рассчитывали на тесное сотрудничество с Турцией, так как были уверены в том, что Турция является сильным с экономической и политической точки зрения государством. Однако совсем скоро лидеры тюркских стран разочаровались в возможностях Турции, которая в конце XX века столкнулась с острым экономическим кризисом. Кроме того, Азербайджан и Узбекистан негативно отнеслись к поддержке со стороны Турции оппозиционных политических сил².

Авторы и организации, сторонники данной теории Евразийства – Намык Кемаль Зейбек, Озджан Йеничери, Умит Оздаг, Суат Ильхан. ASAM (Центр Евразийских исследований).

Турецкая Лево-демократическая партия (ЛДП) в 1996–1998 гг. выпускала журнал «Улусал», в котором было напечатано много теоретических статей, посвященных значению понятий Евразия и евразийство. Авторы статей пытались совместить социалистические, антиимпериалистические идеи с кемализмом, опираясь на сходство исторических событий в России и Турции после Первой мировой войны, на идеи национального социализма Султан Галиева. В XXI в. эстафету перехватили издания Рабочей Партии Айдынлык и Теории. Основные авторы, сторонники левого евразийства – Хакан Рейхан (главный редактор), Догу Перинчек, Аныл Чечен, Атилла Ильхан и другие.

Понятие Евразийская внешняя политика используется правящей умеренно консервативной партией Справедливости и Развития (ПСР) в качестве приоритета сотрудничества Турции с соседними странами. Политика партии поддерживается журналом «Диалог Евразия», выпускающимся на средства Ф. Гюлена. Евразийское направление в программе ПСР противопоставляется западному и заключается в развитии потенциала Турции как региональной державы, сотрудничестве с Россией, Ираном, новыми независимыми

---

¹ MHP programı. Dış ilişkiler.S.96. // <http://www.mhp.org.tr/program/program0.php>.

² Bal İ. Soğuk savaşın sonrası Türk dış politikası için Türk cumhuriyetleri'nin önemi//21. yüzyılda Türk dış politikası. Ankara: AGAM, 2006. s.403

государствами Центральной Азии на равноправной основе, отказ от политической и экономической экспансии. Авторы – сторонники этой теории евразийства – Кемаль Карпат, Ильпер Ортайлы.

М.-Н.-А.Темирбеков
(ИВ Казанского ГУ, Казань)

Эпистолярное наследие тюрколога и ираниста И.Н.Березина

Профессор И.Н.Березин (1818 – 1896), выпускник восточного разряда Казанского университета (1837), магистр (1841), профессор в Казанском (1846 – 1855) и Санкт-Петербургском университетах (1855 – 1896)¹.

В 1842 – 1845 гг. совершил научное путешествие по Ближнему и Среднему Востоку (Дагестан, Азербайджан, Северный Иран, Турция, Ирак, Сирия, Палестина, Египт, Крым). В 1846 – 1896 гг. читал основные курсы турецко-татарского языка, «джагагайско-тюркской литературы», истории тюрок в Казанском и Санкт-Петербургском университетах. Научные работы и статьи профессора И.Н. Березина заложили основу ряда новых научных направлений и университетских дисциплин в отечественном востоковедении XIX – нач. XX вв.

В выступлении дан обзор эпистолярному наследию тюрколога и ираниста Березина 1842–1890 гг., сохранившемуся в архивных фондах Казани и Санкт-Петербурга².

Основное внимание уделено анализу научных связей Березина и Н.И.Лобачевского (1792–1856; математик, геометр, в 1827–1846 гг. ректор Казанского университета), И.Р.Адамова (1826–?; тюрколог и педагог, в 1852–1862 гг. преподавал тюркский язык в гимназии Ставропольской губернии, автор работ «Этимологический очерк кавказского диалекта тюркского языка» (1851), «Хрестоматия турецкого и татарского языков» (1858) и «Грамматика кавказских наречий турецкого языка» (1862)) и Ильминского Н.И. (1822–1891; востоковед-тюрколог, педагог-миссионер, член-корреспондент Петербургской АН (1870)).

---

¹ См.: Кононов А.Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. (2-е изд., перераб.) М., 1989. С.134–137.

² См.: Национальный архив Республики Татарстан. Ф.92.Оп.1.ДД.3829, 4599, 5529, 6033, 6149, 6162, 6231, 5256; Ф.977.Оп.619.ДД.36, 37, 43, 44; Институт восточных рукописей РАН. Архив Ф.5. Березин И.Н. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им.Н.И.Лобачевского КГУ. Шифр 5634.

Эти оригинальные письма представляют огромный интерес для изучения биографии и наследия российских востоковедов, оценки их роли в истории российского и мирового востоковедения XIX в. Неизвестное эпистолярное наследие профессора И.Н.Березина имеет огромное историко-научное и культурное значение.

Владислав Ужулис

(Латвийский университет, Рига)

Османское правительство и турецкое национальное движение в период от Мудросского перемирия до Севрского мира (по материалам британских дипломатических источников)

Капитуляция Османской империи в Первой мировой войне подводила черту четырехлетней войне. Как и для всех основных участников, война стала страшной, непоправимой катастрофой, приведшей к надлому Османскую империю. В соответствии со статьями Мудросского перемирия, турецкая армия демобилизовалась, администрация полностью выводилась из арабских вилайетов, союзники получили право оккупировать, помимо Сирии и Ирака, ключевые районы собственно Турции. Комитет «Единение и прогресс» подлежал ликвидации, новый султан Мехмед VI Вахиеддин утверждал состав правительства. Меджлис распускался, а дата выборов в законодательное собрание была неопределенна.

Тем не менее, именно в годы максимальных усилий и поражений появились реальные возможности создания государства нового типа – Турецкой Республики. Первоначально движущей силой турецких националистов были «Общества защиты прав» (Mudafaa-i hukuk dernekleri), созданные уже в конце 1918 г. На их основе были созданы партизанские отряды, получившие название «Кувай миллие» (народное ополчение), которые позже вошли в состав регулярной армии Мустафы Кемаля.

Отношения стамбульского правительства к националистам и прежде всего к кемалистам можно проследить по материалам британских дипломатических источников. Это четыре тома документов английского министерства иностранных дел (Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Vol. 1–13–15–17. L., 1946–1972), посвященных Ближнему Востоку, Турции и Греции, в которых содержится огромное количество ценных, самого разнообразного типа, материалов – протоколы важных дипломатических переговоров и соглашений, переписка послов и спецпредставителей Великобритании в Восточном Средиземноморье с кабинетом министров, анализы и донесения о положении в Анатолии и т.п.

По этим материалам можно сделать выводы, что страны Антанты не считали, что деятельность этих организаций на этом этапе направлена против них. В них видели угрозу, главным образом, для греков и армян, на борьбу с которыми и были ориентированы турецкие националисты. В то же время стамбульское правительство подозревало в поддержке этих сил и считалось ответственным за срыв выполнения ряда статей Мудросского перемирия.

Хайру Чанраз
(*Suleyman Demirel University, Turkey*)
Характеристика турецко-русских отношений

В разные периоды истории определенные факторы влияли на турецко-русские отношения. В начале развития отношений между двумя народами важную роль играли такие факторы, как экономическая ситуация, религиозные и идеологические мотивы, историческая память и т.д. Поэтому динамика отношений носит весьма изменчивый характер.

Доминирующими факторами в формировании отношений между Османской империей и Россией (в 15–20 веках) являлись экономические интересы, религиозные мотивы, стремление усилить свое влияние в регионе, обеспечить безопасность своих границ. В период Турецкой Республики и Советского Союза (20 век) идеологический барьер, ответственность перед союзниками по военному блоку поставили две страны по разные стороны баррикад. В период Турецкой Республики и Российской Федерации (1990–2008) доминирующие факторы носили особый характер, поскольку взаимоотношения между странами формировались в том числе и под влиянием *глобализации* и *либерально-капиталистических отношений*.

До последнего времени в отношениях двух народов доминирует чувство соперничества. Вероятно, возникновение такого взгляда на историю русско-турецких отношений связано с ситуацией, сложившейся в последние триста лет, которые исследованы историками и исследователями лучше, чем более ранние периоды истории. Как известно, на протяжении последних трех веков столкновения между двумя империями – турецкой и русской – были достаточно частыми.

Чувство соперничества, доминирующее в исследованиях, посвященных политической истории, является также базой для той осторожности, которая сложилась в отношениях двух народов. Поэтому можно констатировать, что в данном случае историческая память играет негативную роль.

В связи с этим, сегодня существует острая необходимость в новых исследованиях истории экономических и культурных контактов между Россией и Турцией, поиск в истории общих точек соприкосновения, которые в определенной степени смогли бы изменить взгляд на прошлое турецко-русских отношений. Как известно, обе страны сталкивались с целым рядом сходных проблем и в исторической судьбе обоих народов было немало схожих моментов.

В современном мире отношения между двумя государствами-соседями неизбежно будут развиваться, поскольку географическое положение, экономические интересы и уровень развития, общая история и, не в последнюю очередь, современная международная обстановка – все это заставляет их укреплять дружеские двусторонние отношения в самых разных областях.

Н.И. Черниченкина
(МГУ, Москва)

Проблема внешней задолженности Турецкой Республики и влияние на нее опыта османского долга

В настоящей статье были предприняты попытки сравнить практику использования внешних источников финансирования в Османской империи и Турецкой Республике. Автор исходит из тезиса о неизбежной вольной или невольной преемственности в экономическом укладе Турецкой Республики, в том числе и в процессе использования иностранных кредитов, аргументируя свою точку зрения тем, что Турецкая Республика практически на протяжении всей своей истории существования использовала внешние источники финансирования, что подтверждается ростом внешней задолженности по отношению к ВВП. Автор подчеркивает нетождественность процессов внешнего заимствования в османский и республиканский периоды: если для первого было характерно преимущественно непроизводительное использование займов, то для республики, при всей неоднозначности последствий, они все же стали важным фактором экономического роста.

Н. Шестаков
(ИСАА МГУ, Москва)

Мустафа Кемаль Ататюрк – военный атташе Турции в Болгарии (1913–1915 гг.)

В богатой событиями и разнообразной деятельности Мустафы Кемаля Ататюрка в качестве военного, политического и государственного деятеля Турции есть один хронологический отрезок,

тесно связанный с Болгарией. Это – период с 28 октября 1913 г. до 2 февраля 1915 г., когда он в качестве офицера османской армии работал турецким военным атташе в Софии.

Во время пребывания в Болгарии Мустафа Кемаль отправил более 100 докладов и донесений своему начальству в Стамбул. До настоящего времени эти документы были строго засекречены в турецких военных архивах. Только с выходом сборника «Мустафа Кемаль Ататюрк и турецко-болгарские отношения в документах (1913–1918 гг.)», изданного на турецком и болгарском языках, часть этих документов стала достоянием общественности.

В сборник вошло десять докладов. Два из них касаются общей обстановки на Балканах в 1913–1914 гг. Один документ посвящен открытию сессии Народного Собрания – парламента Болгарии. Остальные донесения Мустафы Кемалья касаются, в основном, предвоенной обстановки в стране и в регионе в целом, а также позиции балканских стран по отношению к войне.

Из анализа отправленных в Стамбул докладов, рапортов и телеграмм были сделаны выводы о том, что Мустафа Кемаль в целом правильно ориентировался в военно-политической обстановке не только в Болгарии, но и на Балканах в целом. Его деятельность на посту военного атташе была высоко оценена как младотурками, так и со стороны болгарского руководства. Немалая заслуга Мустафы Кемалья как военного атташе в Софии состоит в том, что Болгария вступила в войну на стороне блока Центральных государств.

Именно длительное пребывание в европейской стране, которой для Мустафы Кемалья была Болгария, послужило толчком к формированию его взглядов о необходимости проведения реформ. В сфере политики Ататюрк использовал анализ деятельности Народного Собрания Болгарии для введения основ многопартийной системы в Турецкой Республике. Опыт Кемалья в общении с турецким населением страны, которое достаточно быстро приняло блага и преобразования европейской цивилизации, позволил ему сделать вывод, что так же будет и в Турции, что население с легкостью примет реформы. Мустафа Кемаль уезжает из Болгарии полный идей и мыслей о преобразованиях и реформах. Это был его первый длительный опыт знакомства с европейской цивилизацией, и, несомненно, он оказал положительное влияние на формирование его взглядов о будущем своей страны.

Ridvan Akin

(Boğaziçi University, Istanbul, Turkey)

The Ottoman Parliament and its Political Legacy to Turkish Republic

(1876–1920)

The Ottoman Parliament can be thought as the ancestor of the modern Turkish parliament, which has been experiencing its 23th term of assembly. This is a distinct phenomenon proving a deep-rooted parliamentary tradition. The institution that preceded the modern Turkish parliament was the Ottoman parliament, the *Meclis-i Umumi* that had begun its endeavor in 1876. The bicameral structure of this institution had changed the Ottoman political framework radically. As was well-known, in the Ottoman administration of the classical age, the legislative authority was defined around the personal will of the caliph, *the ululemr*. The only element that could restrict his authority was the Islamic canon law, *the şeriat*. The concrete content of Islamic practice was determined by the religious ulema.

During the Tanzimat (reformation) era, the new bureaucratic structure created new political institutions. These were the state departments which were interested in public affairs. Especially right after the reformation era, public affairs had a typical western style of development. *The Meclis-i Vala* (Sublime Assembly), which was a kind of a counseling commission, gave birth to State Council, *the Şura-yı Devlet*. Its distinct feature was drafting the laws. This paved way to the proclamation of the 1876 Constitution, requiring an assembly based on elected members. The Assembly had two chambers, namely the *Meclis-i Mebusan* (House of Representatives) and the *Meclis-i Ayan* (House of Lords). The representative chamber of the Ottoman parliament had a somewhat lower status compared to that of the upper house, of whose members were directly appointed by the Ottoman Sultan for life-time tenure.

The first short lived parliamentarism had two legislative terms between 1877–1878 and was finally dissolved by Sultan Abdülhamid II. The 33 years long de facto absolutism of the Sultan was ended by the Young Turk Revolution in 1908. The parliamentary regime followed by the declaration of freedom (*Hürriyetin İlanı*) became a period in which the historical foundations of republican-parliamentary political regime were laid.

Despite the political hegemony of Union and Progress, *the İttihat ve Terakki*, the Ottoman parliament kept its institutional existence after the military coup of 1913. The elections were officially held and the Ottoman Parliament was convened. The parliamentary terms started in the years of 1908, 1912, 1914 and 1919 respectively. The Turkish Grand National Assembly was the heir of this constitutional development.

The pioneers of the Turkish Revolution, which was started by the Ankara Convention, entitled *the Türkiye Büyük Millet Meclisi* legitimized itself as the representative of national will. The National Assembly, putting its supreme power above all, had two different types of members, the first group of

MP's had gained their status through the 1919 elections for the Ottoman Parliament, the rest were the members of the Turkish parliament elected in accordance with the polling circular of the Executive Committee, *the Heyet-i Temsiliye* in March, 1920.

In terms of political vocabulary, although the first term of the Grand National Assembly was a constituent and revolutionary institution, it may as well be thought as the continuation of the last Ottoman parliament as many members of the first TGNA had come from the fourth Meclis-i Mebusan located in İstanbul. Although it abolished the Ottoman sultanate and the caliphate, the first term of TGNA had adopted the parliamentary practices of the ancient regime, even accepted the by-law of the former Ottoman Meclis-i Mebusan.

Faruk Bilici
(l'Institut national des langues orientales à Paris, France)
L'Historiographie française sur l'Empire ottoman
et la Turquie contemporaine

L'ancienneté et la densité des relations franco-turques, l'apprentissage de la langue turque dans les institutions créées dès le XVIIe siècle ont favorisé les recherches historiques. Guillaume Postel est le premier à avoir consigné ses observations dans l'Empire ottoman sous le titre *De la République des Turcs*, publié en 1560.

Mais les études turques et plus particulièrement l'historiographie en France ont pris leur véritable élan avec la création par Colbert, en 1669, de l'École des jeunes de Langue, l'établissement, ancêtre historique de l'Institut national des langues orientales (INALCO).

Naturellement la contribution inestimable de Barthélemy d'Herbelot de Molainville et d'Antoine Galland constitue la véritable ossature de l'historiographie française sur l'Empire ottoman. En effet la *Bibliothèque orientale* commencée par le premier, et publiée en 1697 par le second fait connaître la quasi-totalité de la production intellectuelle arabe, persane et bien entendu turque. Concernant la composition d'ouvrage original, le précurseur est Joseph de Guignes avec l'*Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et autres Tartares occidentaux* parut en 1756–1758. Mais Depuis la publication entre 1788 et 1824 de l'ouvrage de Mouradja D'Ohsson intitulé *Tableau général de l'Empire ottoman* (7 vol), puis la traduction de l'ouvrage de Hammer, *l'Histoire de l'Empire ottoman* (1835–1844) par Hellert les ouvrages généraux et spécialisés sur l'Empire ne cessent de voir le jour.

De nos jours, les deux ouvrages collectifs, celui de R. Mantran sur *l'Histoire de l'Empire ottoman* (1989) et celui dirigé par S. Vaner, la Turquie (2005). Sont devenus des ouvrages indispensables.

Après une introduction historique, cette étude aura deux axes :

- 1- Les grandes institutions de la turcologie en France
- 2- Les grandes tendances de l'historiographie française sur l'Empire ottoman et la Turquie contemporaine.

Gawrych George W.

(Baylor University, Texas, USA)

***Mustafa Kemal Atatürk, Politics, the Operational Art,
and the Great Offensive (1922) in the Turkish War of Independence***

Turkish military archival material and memoirs are used to re-examine Atatürk's military victory in the Great Offensive and Pursuit of the Turkish War of Independence in light of Clausewitzian theory of the relationship of policy and war.

This paper examines the interaction between policy, diplomacy, and war in analyzing the decisive campaign that drove the Greek Army out of Western Anatolia. Atatürk employed diplomatic missions to help set the stage for military operations with the twofold aim of gaining favor with world opinion and strengthening British opposition to London's policy of supporting the Greeks. On his home front, he consolidated his power further through legislation that extended his powers of commander-in-chief indefinitely. Against this brief background, the paper focuses on military dimensions, addressing the evolution and continuity in preparations, plans and objectives, as well as force structure. Political considerations and economic difficulties made for a rather disparate military strategy. In the campaign itself, Atatürk played a critical role in directing military operations to victory in the tradition of Frederick the Great and Napoleon who combined the positions of head of state and operational military commander.

The Great Offensive stands as a compelling example of the art of war practiced in the modern era where the linkage of policy, diplomacy and military strategy brings decisive results.

Hamza Naqif

(Istanbul University, Turkey)

Iraqi Turkmen: An overview

Population and Geographical location.

Turkmen are concentrated mainly in the northern and central regions of Iraq. Originally from Central Asia, they began settling in Iraq a thousand

years ago in a migration that stretched over several hundred years. Turkmen are the third largest ethnic group after the Arabs and Kurds in Iraq and they are concentrated in Turkmeneli, which includes the provinces of Mosul, Erbil, Kirkuk, Salahaddin, Diyala and the city center of Baghdad. Today the Turkmen population is estimated to be around 3.0 million people. Turkmen may constitute around 14% to 16% of the Iraqi population whereas higher percentages have also been proposed by scholars. Turkmen live in Iraq on a diagonal strip of land, stretching from Talafar at the North Syrian border in the north of Iraq ending in Mendeli on the Iranian border in Central Iraq.

Religion.

Most of the Turkmen are Muslims; besides around 30,000 Christian Turks live in Iraq and they are called the Kala Gaweri.¹ Among Muslim Turkmen there are both Shi'ites and Sunnites. The Sunni Turkmen are divided into Hanafi and Shafi'i.

The two major Turkmen groups – Shi'ites and Sunnites – helped them to be more dynamic in the Iraqi society² and facilitated mixed marriages with Arabs and Kurds. Therefore, there is a number of Arab tribes that have Turkmen origin, such as Albayeti. There is no difference at all between the Sunni and Shiite Turkmen in language and culture; intermarriages between Shiite and Sunni Turkmen are quite common.

Language.

The main spoken language in Turkmeneli (Turkmen homeland) is the Turkish dialect which is a part of the Western Turkic language group that includes also the Turkish spoken in Turkey, Cyprus, the Balkans, Iranian Azerbaijan (South) and Republic of Azerbaijan (North), Northern Syria, Iran, Turkmenistan, and Southern Turkistan (Northern Afghanistan). The Turkmen language of Iraq with its various dialects is closer to the Turkish spoken language in both Azerbaijan and Urfa in Southeastern Turkey rather than Turkmen language in Republic of Turkmenistan.

Iraqi Turkmen dialects are drawn from two major sources. The first and foremost is the colloquial language of local dialect spoken in Erbil, Kirkuk and other major Turkish settlements in general, which belongs to Azeri Turkish. Although local Turkish dialects show a degree of commonness, differences are found in local dialects spoken in different cities, towns, villages and even neighborhoods. This can be contributed to the different Turkish clans settling in Iraq from the 11th century onwards that have slightly different dialects.

---

¹ Aziz Kadir Samanci, Political History of the Iraqi Turkmen, London 1999, p.34.

² Hassan Ozman, The Turkmen in Iraq and Human right, Ankara 2002, p.17.

Asum Karaömerliođlu
(Atatürk Institute for Modern Turkish History, Bođaziçi University, Istanbul)
Helphand-Parvus, A Russian Social Democrat
and his Impact on the Historiography of Russia, Germany and Turkey

Parvus was a well-known Russian revolutionary intellectual of the turn of the 20th century. He was a brilliant Marxist theoretician who took part in the intellectual discussions in the SPD of Germany, a mentor of the famous revolutionary Leon Trotsky, a prominent figure of the Russian Revolution of 1905, and an advisor to the Young Turks in Istanbul between 1910 and 1914, a very controversial figure in the 1917 Russian Revolution. He was a man of great calibre and influence and died in 1924 in Germany while he was an advisor to the Weimar Republic.

In this paper, I will assess the intellectual impact of Parvus in the making of quite extraordinary historiographical frameworks in these three countries. Parvus was the first person who attacked in Germany the intellectual tradition called as «Revisionism». He was the man behind the idea of the «soviet» on the eve of the 1905 Revolution. Parvus was also instrumental in formulizing the famous theory of «permanent revolution» that was later adopted by Trotsky. He was also the ideologue of the Young Turks in the influential theory of «National Economics» which marked a radical rethinking of the economic policy in Turkey. He was also the first person to observe and speculate in the 1890s about the long waves of capitalism, a phenomenon that was later attributed to Kondratieff in the 1920s.

Interestingly enough, while engaging in revolutionary activities, Parvus also made a huge economic fortune for himself and died as one of the richest persons in the world.

By using Russian, German and Turkish sources, this paper aims to highlight Parvus's impact on the major historiographical questions faced by Russia, Germany and Turkey by the turn of the 20th century.

M. Refik Korkusuz
(Dicle University, Diyarbakır, Turkey)
Turkey and its Cultural Problems

There is no a country that has direct or indirect interaction and communication with the others in today's world, which is on the increasing globalization process deriving from technological progresses and other conjectural developments. Intensive political, socio-cultural and economic changes and interactions are existing in the world as a whole. Undoubtedly, Turkey can not fall outside these regional and global developments. Internal and external dynamics result in rapid and intensive political, socio-cultural and economic

developments and changes in Turkey. These developments and changes are viewed in all parts of the societies in the country.

When we consider the socio-economical structure of Turkey, it is not static, but very changeable. Turkey has many cultural diversities and it is very difficult to supply their expectations as to these diversities. This situation causes many problems for Turkey. The biggest problem, maybe, is lack of dialogue for the solution of these matters.

A. CULTURAL DIVERSITIES

Turkey has troubles because of this lack of communication. This problem has divided Turkey into two parts, as West and East. Western people have not tried to accept the differences of Eastern cultures, and Eastern people have crossed this thinking of Western people. Turkey has confusion due to this dividing of Western and Eastern parts of it.

B. MISUNDERSTANDING OF RELIGION CONCEPT

Turkey is a country that is secular. But this secularism has been misunderstood by some parts of the society. This group of people think the secularism as irreligion. This leads to right-wing extremism and left-wing extremism. It has been thought that right and left couldn't come together and they haven't tried to solve the social problems of Turkey. Another part of population thinks that this concept denies their identities and beliefs.

C. EFFECTION OF ARMY ON THE GOVERNMENT

Turkey has been seen as a state which is governed by the democratic governments. But Turkey have always felt manipulation and impact of the army. This causes a disadvantage for the development of Turkey in mutual understanding of the people, living in the same territory.

When we consider this fluctuated structure of Turkey, it can be acceptable as ordinary, daily issues very serious problems such as high corruption rate, human right issues. Maybe, Turkey has the same or similar rules and laws as many EU countries have, but they are just fake rules, unpracticed many times.

D. LACK OF DIALOGUE BETWEEN IDEOLOGICAL GROUPS:

- Between religions: there are no relations between religions such as Christianity and Islam. The religions do not know each other; prejudices towards another religion are common.
- Between social groups
- Between political groups
- Between economical groups.

Michalis N. Michael
(University of Cyprus, Nicosia, Cyprus)
The Turkish Political Islam and Europeanism:

From the Secular West to the European Values

The aim of this study is to analyse the perception of the West in Turkey in combination with the fact that the Political Islam in Turkey, a political power considered from the ruling elite as an enemy of the secular state, appears to be the vehicle but also the pioneer political institution regarding Turkey's integration into the European Union.

Turkey enters the 21st century with major changes in its political but also ideological scene. The Political Islam as it is expressed by the AKP (Adalet ve Kalkınma Partisi) the ruling party in Turkey, seems to differentiate the founding value of Kemalism: the secularism of the state. But is this the reality or just like in the case of other aspects of Turkish history, the matter is more complicated that it seems? The major question is related with the perception about the secular West, how this perception changed before the end of the 20th century and why the Political Islam, a unique Turkish Islam, seems to express the new West, that is the European Union and its values. In the same framework of analysis, we must study how the new Political Islam in Turkey interprets the West that is the European Union and its values.

Ozan H. Özavcı

(University of Manchester, UK)

Aspects of Liberalism in Turkey: The Case of Ahmet Ağaoğlu, 1909–1939

Ahmet Ağaoğlu (Aghayef), a self-proclaimed liberal Azerbaijani intellectual, was an ideologue of the Turkish Revolution as the editor-in-chief of the semi-official publication organ of the Turkish Revolutionaries (1919–1928). Having had an education in Russia (St. Petersburg) and France (Paris), he married the ideas of Russian radicals of late nineteenth century and those of French intellectuals of the Third Republic and carried them to the Turkish context under the frame of a peculiar account of liberalism imbued with nationalist leanings: Broadly speaking, Ağaoğlu advocated an individualist political, a mixed economic and a communitarian moral system for the early Republican Turkey in reference to the Western model. Considered the influence of his liberal work on the ruling elites of the Early Republic, his place in Turkish intellectual history that spans a period of some thirty-years deserves to be paid especial attention in any attempt to uncover the aspects of liberalism in Turkey. Tracing Ağaoğlu's ideas to their Russian and French sources and examining his political and intellectual career with a focus on his time in Turkey, this paper will be one of these attempts.

Ozge Oztekin

(Hacettepe University, Ankara, Turkey)
Reading the History of Turkey through Literary Texts

The Republic of Turkey is the successor state of the Ottoman Empire. The Ottoman Empire, which was reigned from end of the 13 th century to first quarter of the 20 th century, looms large in the history of Turkey. It was separated definite historical periods according to structure of administration and position in the world politics: Establishment (1299–1453), Growth (1453–1579), Stagnation (1579–1699), Decline (1699–1792) and Dissolution (1792–1922). For the Ottoman Empire, the 18 th century is a transformation/transition period between the classical period left behind and the modernization process ahead, when the point of view that the unfavorable conditions existent in the fields like administration, politics, education, technology, culture and arts can be settled by becoming close to Europe going through the Age of Enlightenment based on reason and science in the same period, is widespread. Especially the culture and art medium of the period was greatly affected by the said transformation movements. Especially the culture and art medium of the period was greatly affected by the said transformation movements. In literature of the 18 th century also existed that a mobility with direct or indirect ways.

In this paper, it will talked about political and socio-cultural history of the Ottoman Empire in 18 th century. A holistic and structural approach was preferred as far as possible; for it was aimed that some clues concerning Ottoman social history in this period are followed up and the historical incidents and their reflections in the literature are presented in unity by giving examples from the related poems. There is an interaction between the literary texts and the social life. The evaluation of the texts as documents casting a light on the daily life of the society, in which they emerged in the framework of the medium, and conditions they were written out, and thus their attaining the attribute as the representatives of the social change was possible. As a matter of fact, literary texts of 18 th century are also important source for Ottoman cultural history.

George Tsoutsos
(Library of the Holy Synod, Athens, Greece)
Major problems of modern historiography in the field of Greek-Turkish relations in the Ottoman Empire

Modern historiography in the field of Greek-Turkish relations is in a state of emergence. The evaluation of the sources is advancing but major problems of interpretation have occurred. From one point of view, the image of idyllic relationship of the conqueror and the conquered is proposed and

from another point of view the approach of absolute hostility is counterproposed. A possibility of synthesis with the present state of research seems rather premature or elusive.

The sources read unilaterally could support both extreme approaches. The identity of the Othoman Turks, the role of non-orthodox Muslims in the Othoman society, the Islamic character of the Othoman state and the process of islamization as well as the role of the church are some issues which divide modern historians. Modern historiography examines historical evolution from a political, social and economic point of view based in the word «relations». There is a gap between this kind of historical approach and the historical evaluation which leads to what we call «our national history». A synthesis of modern and traditional ideas about the best way of promoting historical research is therefore a big challenge.